

Современная Дирцея
(по Семирадскому)

ГОВОРЯТЬ *)—въ высшихъ сферахъ уже пред-
рѣшенъ
Тотъ вопросъ, что не спросятъ отвѣта
У сатраповъ новѣйшихъ російскихъ временъ,
У безстыдныхъ гасителей свѣта:
Кто укралъ, кто укрывъ—неповиненъ за то,
Произволомъ законы кто рушилъ,
Кто людей убивалъ ни за что, ни про что,
Кто на счетъ голодающихъ кушалъ;
Чуть наступитъ моментъ проведенія реформъ,
Будетъ актъ всепрощенія явленъ:
Каждый плутъ и злодѣй — всѣхъ отбѣнковъ и
нормъ —

Бу етъ снова младенцемъ объявленъ...
Ура!.. Не будемъ падать ницъ,
Предъ долгомъ совѣсти склоняться!
Какъ станетъ Дума собираться,
Синклитъ такихъ почтенныхъ лицъ
Невинный будетъ всѣхъ дѣвицъ
И чище кроткихъ голубицъ, —
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..

Предъ амнистіей этой, повѣрьте, смѣшны
И ничтожны другія всѣ вмѣстѣ;
Кто придумалъ еѣ—поднести мы должны
Лавры славы гражданской и чести...

*) См. 375 № газ. „Слово“, замѣтку „объ отвѣтственности за прошлое“.

Кто онъ? Гдѣ онъ? Откуда явился на свѣтъ?
Сынъ страны-ли снѣговъ и мороза,
Юга чадо-ль?! Намъ дѣла до этого нѣтъ!
Нашъ—онъ... Nomina sunt odiosa!..
Мы—виновны; должно быть, и онъ виноватъ
Въ чемъ-нибудь такомъ-эдакомъ тоже...
Не на каждомъ-же ворѣ и шапки горять!
Кто-бъ онъ ни былъ—воздай ему, Боже!..

Что-жъ, что за нами есть вина, —
Не намъ—въ раскаянье вдаваться!
Пусть насъ грязнятъ, пускай бранятся
Трибуны съ горьковского „дна“, —
Свобода имъ и намъ дана!..
Что грязь? — отмоеся она;
Намъ—наши всѣ грѣхи простятся!..

Есть не мало у насъ убѣжденныхъ враговъ,
Много будетъ ихъ послѣ въ народѣ:
Не жалѣютъ своихъ оголтѣлыхъ головъ,
Помѣшались они на свободѣ!
Чуть что — крикъ поднимаютъ (должно быть—спяна),
О какомъ-то возмездіи бредятъ
Въ Государственной Думѣ... Да, будетъ она, —
Но — когда-то Улита пріѣдетъ!..
Да еще вѣдь вопросъ тѣ — пріѣдетъ кому
Въ ней просиживать новыя кресла;
Вѣдь недаромъ-же, къ Вите слетѣвъ самому,
Вся тенденція Плеве воскресла!..

Жиздакхыя новеллы Боккачіо.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго.

6. Объ общей исповѣди и объ исповѣди за ширмами padre Джованни.

...Королева и всѣ придворные много смѣялись надъ чудеснымъ превращеніемъ монахини въ пизанскаго стрѣлка, котораго благочестивый padre Джованни возвелъ позже въ санъ св. Керулярія.

— Не расскажете-ли вы еще чего-нибудь о самомъ padre Джованни и объ его вѣрныхъ послѣдователяхъ? — спросила королева.

— Съ удовольствіемъ, ваше величество. Слушайте. Въ городъ Пизу, какъ вамъ извѣстно, стекалось и стекается огромное количество пилигримовъ на поклоненіе звѣздамъ, лентамъ, туфлѣ и чудодѣйственной шляпѣ св. Джованни. Всѣ эти пилигримы ужасно любили каяться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ досто-почтеннымъ раде. Случалось такъ, что они калялись не только въ томъ, что содѣяли, но и въ томъ, что собирались только совершить.

Этимъ обстоятельствомъ пожелали воспользоваться

два знаменитыхъ сановника, изъ которыхъ одинъ былъ Victorio Ferens *), великій инквизиторъ трибунала Совѣта Десяти, а другой—синьоръ V. Plevelio—просто генераль по всѣмъ тайнымъ сыскамъ.

Они призвали къ себѣ padre Джованни и сказали ему:

— Вотъ что, любезнѣйшій Джованни. На-дняхъ мы разослали тайную эпистолю всѣмъ священникамъ всѣхъ провинцій съ предписаніемъ, чтобы они немедленно до-водили до нашего свѣдѣнія обо всѣмъ—интересномъ въ политическомъ отношеніи для нашего тайнаго трибунала—что говорится исповѣдывающимися „на духу“. Съ такой-же просьбой обращаемся мы и къ вамъ. Къ вамъ стекается такая масса пилигримовъ... Вы понимаете?

— О, ваша свѣтская эминенція и ваша экчеленція...— смиренно отвѣтствовалъ Джованни.—Я понимаю все это какъ нельзя лучше, но... Но я долженъ замѣтить, что я боюсь, какъ бы такая роль вѣрнаго слуги инквизиціоннаго трибунала не поколебала мою славу святого...

— Какъ вы думаете?—обратился синьоръ Плевеліо къ великому инквизитору Совѣта Десяти.

— Я не раздѣляю опасеній padre Джованни...—отвѣ-тилъ тотъ.— По моему, это еще больше упрочитъ вашу популярность, Джованни. Это—будутъ настоящія чудеса. Вы только представьте: вамъ на духу кто-либо сознается въ намѣреніи, скажемъ, выстрѣлить изъ пистоля въ одного изъ членовъ десяти. И вдругъ, это становится извѣстнымъ намъ. Развѣ это не будетъ чудо? развѣ тотъ, кто со-знался вамъ въ этомъ, не сочтетъ васъ за св. чудо-творца?

— Я, однако, предпочелъ-бы иное...—началъ Джо-ванни.—А именно: общую исповѣдь. Всѣ эти пилигримы, въ экстазѣ религіознаго фанатизма, будутъ громко испо-вѣдывать свои грѣхи и помышленія, ну, а вы... вы должны помнить слова св. апостола Петра: „камни и тѣ могутъ слушать и слышать“. Вы поняли меня, высокоблагородные синьоры?

*) Побѣду-посецъ.

Панорама русско-японской войны

Брызги и занозы.

IV.

Оболенскихъ было много
 „На виду“ всегда у насъ,
 Роли чуть-ли не министровъ
 Всѣ играли въ добрый часъ...
 Всѣхъ умнѣе былъ финляндскій—
 Очень умный человекъ,
 Хоть—любовь питая къ звѣздамъ—
 Мужичковъ изрядно сѣкъ.
 Гельсингфорсъ и даже Харьковъ
 Помнятъ князя до сихъ поръ;
 Но затмить его всю славу
 Новый оберъ-прокуроръ—
 Синодальный князь: онъ хочетъ *)
 Вольный духъ въ святыхъ отцахъ
 Истребить рукою властной—
 Всѣмъ крамольникамъ на страхъ..
 Кое-гдѣ съ церковныхъ кафедръ
 Раздались слова о томъ,
 Что Христосъ былъ противъ казней,
 Что разстрѣливать гуртомъ
 Всѣхъ—и правыхъ, и виновныхъ—
 Невозможно безъ суда
 (Это только въ Дагомеѣ
 И случалось иногда!)...
 «Хочетъ милости, не жертвы
 Кроткій Богочеловекъ...»
 Услыхалъ князь Оболенскій:
 — „Ну, тогда иной былъ вѣкъ!“—
 Онъ изрекъ и моментально
 Сверхъ-святительскій указъ
 Шлетъ по мѣсту назначенья:
 „Запретить имъ всѣмъ сейчасъ

Проповѣдывать во храмѣ
 Слово Божье! Подъ надзоръ
 Взять ихъ всѣхъ, подъ строгій розыскъ!..
 Славься, оберъ-прокуроръ!
 Синодальный Оболенскій,
 Ты финляндскаго затмилъ
 Оболенскаго,—хотя онъ
 Тоже былъ уменъ и милъ!..

V.

Кутлеръ палъ, его проекты
 Разлетѣлись безъ слѣда;
 Пишутъ новые конспекты
 Поощренія труда...
 Не тужи, голодный пахарь,—
 Новый есть тебѣ оплотъ:
 Кривошеинъ—вѣщій знахарь—
 Свѣтъ во тьму твою прольетъ!
 Всѣ устроить онъ весною:
 Будешь жить ты, припѣвать—
 Какъ за каменной стѣною—
 Изъ мякины хлѣбъ жевать...
 Былъ его однофамилецъ
 Въ санъ министра возведенъ;
 Грабилъ онъ тебя, кормилецъ,
 Но—съ позоромъ былъ смѣщенъ...
 Услыхавъ про назначенье,
 Не на шутку я вструхнулъ:
 Неужель бразды правленья
 Ех-министръ себѣ вернулъ?!
 Мракъ сомнѣнія развѣянь,
 Но тревожитъ мысль меня:
 Ну, какъ новый Кривошеинъ
 Будетъ старому родня!..

*) См. сообщенія о пяти Харьковскихъ священникахъ, въ «Харьк. Губ. Вѣдом.», «Волнѣ» и «Современ. Жизни» и друг.

Внукъ своего дѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Послѣднія похождения Чичикова.

(Случайно удѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой поэмы «Мертвыя Души» *).

...Чичикова, бѣднаго, еле державшагося на ногахъ, грубо схватили жандармы.

— Живо, живо, чортова кукла!—заорали они. — Идемъ до пана генераль-губернатора!

Почтенный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ былъ ни живъ, ни мертвъ, а такъ... слегка избитъ и поломанъ.

— Позвольте, но какъ-же я предстану предъ его высокопревосходительствомъ въ такомъ поносомъ видѣ? — ужаснулся Чичиковъ, показывая на свое откровенное одѣяніе, состоявшее изъ однихъ исподнихъ. — Гдѣ-же мой фракъ наваринскаго дыма съ искоркой? Подайте мнѣ, честию прошу васъ, его!

— А и то правда!—проговорилъ одинъ жандармъ, подмигивая лукаво другому. — Будь онъ дѣвкой, — такой конфузъ сошелъ-бы и его высокопревосходительство былъ-бы польщенъ, а то у пана генераль-губернатора есть то же самое, что и у этого стрекулиста.

Съ чувствомъ необычайнаго собственнаго достоинства Чичиковъ одѣлъ штаны, жилетъ и фракъ.

— Доплясался, Павелъ Ивановичъ, дотанцовался. Мать Пресвятая Богородица, выручи! — гвоздемъ шпыняло его мозгъ.

Онъ полѣзъ затѣмъ въ свой карманъ и такъ долго рылся въ своемъ карманѣ, что одинъ изъ жандармовъ помянулъ добрымъ словомъ мать Солоху.

— А скоро-ли бѣсовъ сынъ?—зарычалъ онъ.

— Прощу! — радостно воскликнулъ Павелъ Ивановичъ и моментально приставилъ къ носу жандарма табакерку. — Прощу, угощайтесь! Боже мой, что за табакъ! Его мнѣ далъ еще Собакевичъ, когда наступилъ—да будетъ ему такъ-же пріятно, какъ мнѣ! — на мою мозоль. Одинъ жидъ изъ Гядова...

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ намъ нашъ сотрудникъ, г. Скорбный. За достовѣрность того, что это принадлежитъ действительно Н. В. Гоголю, редакция не отвѣтствуетъ.

— У-у-у... а-а-а! Ступай!—зарычали обманутые въ своихъ ожиданіяхъ жандармы.

...И Павла Ивановича Чичикова ввели въ большую комнату. То есть Боже ты мой, что это было за великолѣпіе!.. Повсюду позолота, картины въ широкихъ золотыхъ рамахъ, на которыхъ, какъ добрые кони, гарцовали на своихъ двухъ ногахъ важные генералы въ оттопыренныхъ бѣлыхъ штанахъ, и съ такимъ важнымъ видомъ, будто хотѣли крикнуть: „а какъ мать твою зовутъ, вражій сынъ?“

Какъ только Чичиковъ вышелъ, изъ за стола поднялся высокій генералъ съ такими длинными усами, точно—вотъ ей Богу—хвостъ у поповой кобылы.

— А-а-а?!—захрипѣлъ онъ.

Чичиковъ сомлѣлъ. Его толстенькія ножки задрожали, подогнулись и онъ, какъ то нелѣпо подкачнувшись, опустился на колѣни.

Послышался трескъ сукна наваринскаго дыма съ искоркой.

„Проклятый жидъ подвелъ! гнилое сукно подсунулъ“, пронеслось въ его головѣ.

— Ваше сіятельство! Ваше Высокопревосходительство!—залепеталъ онъ въ смертельномъ ужасѣ.—Не погубите! пощадите! Пять женъ... то-бишь: одна жена и пять человекъ жандармовъ... Ахъ, ахъ, что я говорю! пять человекъ дѣтей...

— А-а-а, каналья, мертвыхъ душъ покупать?!

(Продолженіе слѣдуетъ)

СЛУХИ.

Ходятъ слухи... ходятъ вѣсти...
Вѣрить-ли молвѣ?!
Что Дубасова на мѣстѣ
Нѣтъ уже въ Москвѣ...

Говорятъ, что онъ скатился
Съ Воробьевыхъ горъ,
Что слезою помутился
Адмиральскій взоръ.

Говорятъ, что онъ въ дорогѣ,—
Числится—въ бѣгахъ,—
Что подвелъ уже итоги
О своихъ дѣлахъ...

Говорятъ, его уводитъ
Совѣсть изъ Москвы...
Много, впрочемъ, слуховъ ходитъ,—
Всѣмъ не вѣрите вы!

В. Трофимовъ.

ДІАЛОГИ.

Рабочій („товарищу“). Читаль, братъ, про Гапона? а? въ рулетку играетъ!

— Вѣрно, товарищъ, на нашу нужду въ другомъ мѣстѣ заработать хочетъ?

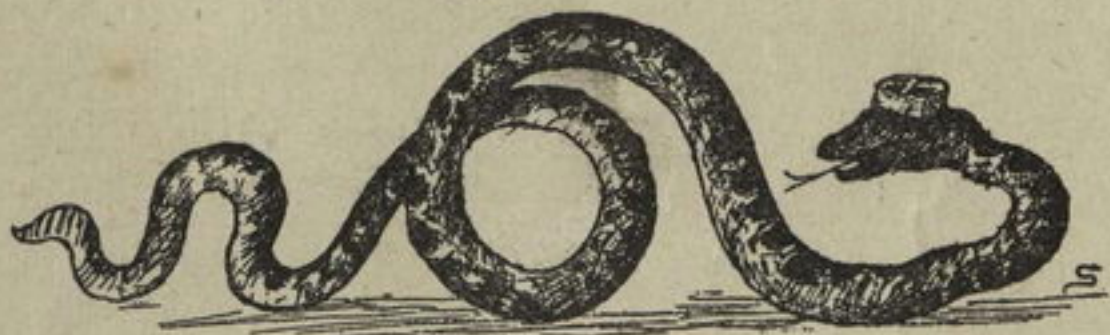
— Вы неслышали: гдѣ и когда будетъ у насъ майскій парадъ?

— Это зависитъ оттого, гдѣ и когда мы будемъ воевать.

СОВРЕМЕННЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

(Не Даля)

— Не тронь дурного—не запахнетъ.

МОСКВА (по телефону).

Адмиралъ Дубасовъ установилъ несомнѣнно революціонный образъ мыслей министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, выразившійся въ отказѣ со стороны послѣдняго учредить университетскіе курсы при конвойныхъ командахъ, что, по мнѣнію почетнаго адмирала, кореннымъ образомъ рѣшило-бы университетскій вопросъ. Въ кандидаты на постъ министра народнаго просвѣщенія адмиралъ Дубасовъ предлагаетъ себя, мотивируя свое предложеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что у правительства не можетъ быть никакихъ сомнѣній насчетъ его политической благонадежности. Москвичи привѣтствуютъ благую мысль адмирала, руководствуясь соображеніемъ, что мѣстопробываніе министра нар. просвѣщенія не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Профессора Военно-Медицинской академіи выражаютъ свое недоумѣніе по поводу того, какъ почтенный адмиралъ до сихъ поръ не объявилъ еще своей кандидатуры на испанскій престолъ. Проф. Чечотъ объясняетъ это исключительно забывчивостью, при чемъ высказываетъ надежду, что въ дальнѣйшемъ предупредительный адмиралъ не обидитъ своимъ невниманіемъ испанской короны.

Подслушалъ Дмитро Гудзь

Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда смута российская пошла быти и кто первѣе почла на Руси мутитися. *)

Гл. III.

И рече онъ мужъ ко племени: „Азъ есмь братъ и заступникъ народу. Аминь глаголю вамъ, яко не вѣсте ни дне ни часу, егда сбудется реченное пророкомъ Вячеславіемъ: не вся суленная дается вамъ, егда же дастся, не восхощете“. И посули Сергей племени свободы и, собравъ сотни и вое-начальники, повеле имъ тако: „Днесъ имате свободу, яко и прочіи, стрѣльбища творити, дабы изъяти крамолу отъ свободнаго племени“. Уразумѣвше же оны словеса, почла христолюбиво воинство смуту губити и изымати. И возгорися паки ротоборство и покажаху ту воины и святіи отшельники храбрость велію и чудеса многая, творяще заповѣди она мужа, изымающе смуту.

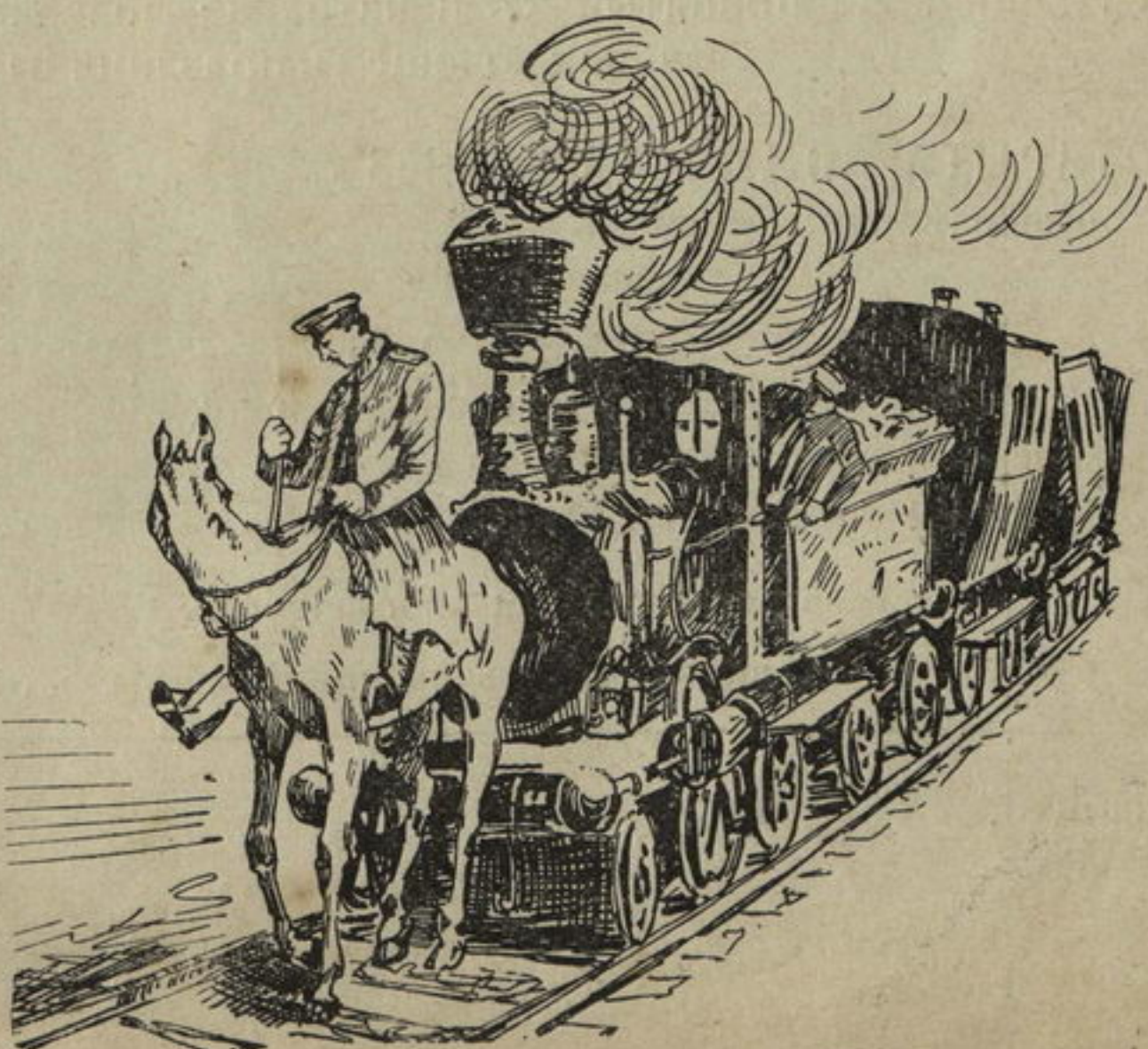
Гл. IV.

Сущу же Дубасію во градѣ Москвѣ, искуша его крамола, глаголя: „Ты бо еси, Дубасіе, войноморецъ. Како же возсѣлъ еси на сухопутіи, яко и рѣка наша схоронися отъ тебе подъ ледъ?“ Отвѣщавъ же Дубасій смутѣ, рече: О маловѣри! почто убо искушаете мя. Ей-ей глаголю вамъ: не преидетъ и тріе дніе и не будетъ мѣста суха въ столицѣ.“ И повеле Дубасій оросити столицу кровію, страха ради смутыянска. И полегоша москвитяне костми, кровь отдавше увлажненія ради столицы. И бысть слава велія Дубасію и прославяху его москвитяне, зане не устрасися смуты и сотвори реченное.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За лѣтописца Дмитро Гудзь.

*) См. „Заноза“ № 3.

Балаганный дѣдъ.

Живемъ пока!

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылаеся за двѣ 7-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятые къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

„ЗАНОЗА“.

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ перес., съ перес. — 15 к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: гадъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка прикимается въ редакціи: СЛБ. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

Газетное агентство для иногороднихъ Г. Г. Москвича. С.—Петербургъ, Кузнечный пер., 15.

высылаетъ въ провинціи всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакціи.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.